

**ОСОБЕННОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СОПОЛОЖЕНИЯ
В СТИХОТВОРЕНИЯХ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА
«ШАГАЙ, ВЕСЕЛЫЙ НИЩИЙ...»
В СВЕТЕ ПУШКИНСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ**

В статье исследуется грамматика поэтического текста в связи с формированием художественных смыслов. Рассматриваются примеры реализации приема морфологического соположения разнопадежных словоформ одной леммы в стихотворениях А. Пушкина и В. Шаламова. Анализируются художественные смыслы, сформированные на основе рассматриваемого соположения. Утверждается, что употребление разнопадежных словоформ Варламом Шаламовым является грамматической аллюзией к пушкинским текстам.

***Ключевые слова:** Пушкин, Шаламов, поэтический язык, поэтическая морфология, поэтическая традиция, аллюзия, соположение.*

Скоробогатова О.О. Особливості морфологічного співположення в поезії Варлама Шаламова «Шагай, веселый нищий...» у світлі пушкінської граматичної традиції. У статті досліджено граматику поетичного тексту у зв'язку з формуванням художніх смислів. Розглянуто зразки реалізації прийому морфологічного співположення словоформ одного слова, що стоять у різних відмінках, у поезіях О. Пушкіна і В. Шаламова. Аналізуються художні смисли, що сформувалися на підґрунті розглянутого співположення. Стверджується, що використання відмінкових співположень Варламом Шаламовим є граматичною аллюзією до пушкінських текстів.

***Ключові слова:** Пушкін, Шаламов, поетична мова, поетична морфологія, поетична традиція, аллюзія, співположення.*

Skorobogatova O. O. The peculiarities of morphological juxtaposition in Varlam Shalammov's poem "Shagaj, veselyj nishchij..." in the light of Pushkin's grammatical tradition. *In some cases the grammar of a poem is closely coupled with its imagery and those poetical senses which form its artistic space. Grammatical juxtaposition serves as an active means of creation of poetical senses. The paper deals with intracategorical juxtapositions of word forms of a single word in different cases. The examples of morphological juxtaposition realization of case word forms of a lexeme in A. Pushkin's and V. Shalamov's poems are considered. The artistic senses formed by the juxtaposition under study are analyzed. We claim that the use of word forms of a single word in different cases in V. Shalamov's poems is an allusion to Pushkin's texts.*

***Keywords:** Pushkin, Shalamov, poetic language, poetic morphology, poetic tradition, allusion, juxtaposition.*

Грамматика стихотворного произведения в целом ряде случаев тесно связана с его образным строем и теми поэтическими смыслами, которые формируют его художественное пространство. Стихотворная речь, которая «существует как кульминация смысловой стихии языка, максимально актуализируя все аспекты структурного выявления этой стихии: динамичность и многомерность» [1: 230], использует потенциал, заложенный в языковой, в том числе морфологической, категоризации мира.

Самыми частотными приемами выделения морфологических форм и значений и актуализации выразительно-изобразительного потенциала

именных категорий в русской поэзии нового и новейшего времени, как показано в работе [8], являются соположение морфологических единиц и грамматическая аттракция.

Грамматическое соположение служит активным способом порождения «смысловых элементов, которые образуются из взаимодействия» [4: 35–36]. В языке все базовые сущности оппозитивны [9: 21], морфологическая оппозитивность в значительном корпусе русских стихотворных текстов контекстуально актуализирована путем соположения оппозитивных грамматических единиц. Морфологическое соположение в лирическом произведении представлено внутрикатегориальным и межчастеречным соположением грамматических единиц. Предметом исследования в данной статье является внутрикатегориальное соположение разнопадежных словоформ одного слова. Цель работы – исследовать особенности грамматической организации стихотворения Варлама Шаламова «Шагай, веселый нищий...» в связи с пушкинской грамматической традицией.

Ряд поэтических идиостилей имеет выраженные грамматические приметы, исследование которых позволяет, с одной стороны, выявить языковые и стиливые предпочтения автора, а, с другой, служит доказательной языковой базой для общепилологических выводов в том случае, когда грамматический отбор определяется художественной сверхзадачей. Отдельные тексты и идиостили в единстве их содержательной и грамматической составляющих описаны в работе [7].

Необходимость начинать изучение грамматической компоненты русской поэтической традиции с морфологии А. Пушкина обусловлена многими факторами, но, в первую очередь, тем, что «в нашем литературном языке современность начинается именно с эпохи А. С. Пушкина» [5, Т. 1: 100]. Пушкиноведы отмечают, что «лингвистическая компонента поэтического сознания Пушкина должна быть принята во внимание и изучена в полном объеме» [2: 178], а поэтическая морфология и морфологическая поэтика пушкинской поэзии до сих пор описаны достаточно фрагментарно.

Эстетика Пушкина, как отмечают современные исследователи, основана на синтезе существующих в европейской традиции концепций прекрасного: концепции соразмерного и концепции бесконечного. Их диалектическое единство определяет глубину и своеобразие пушкинской поэтики. Осложняет лигвопоэтический анализ глубокое освоение русским языком и русским читателем пушкинского наследия: то, что было внове для современников поэта, нами часто ощущается как знакомое, и поэтому менее выразительное (см. подробно в работах Г. О. Винокура).

У А.С. Пушкина встречаем выразительные примеры соположения разнопадежных форм одного существительного в пределах одного стиха. В силу действия закона единства и тесноты стихового ряда падежные словоформы одной лексемы подчеркивают подобие номинируемых сущностей. В стихотворении «Ворон к ворону летит...» это подобие связывает и объединяет словоформы в лирическом нарративе, а в «Анчаре» – противопоставляет.

*Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?*
(А. Пушкин «Ворон к ворону летит...»);
*Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом...*
(А. Пушкин «Анчар»).

Гармоничность пушкинских текстов во многом основана на «соразмерности и сообразности» языковых элементов, художественных средств, используемых автором. Пушкинской поэтической грамматике чужда «эксплуатация» приема, избыточное и очевидное использование поэтического потенциала единиц и их сочетаний. «Навсегда он сохранил нелюбовь к сильным средствам; они не были ему нужны» [3: 40]. Вместе с тем, «Пушкин стал широко использовать суггестивные (внушающие) возможности поэтического текста» [2: 101]. Потенциал именных грамматических категорий регулярно используется поэтом для создания особых поэтических смыслов в мифопоэтическом ключе. При этом «овладеть новой поэтической формой для Пушкина значило найти ее всякий раз сызнова для данного текста» [2: 101]. Именно в его творчестве формируется традиция и норма-образец русской поэтической грамматики нового времени, которая развивается в поэзии следующих поэтических периодов, оказывая влияние и на национальный язык.

Сходный не только на грамматическом уровне, но на уровне использования языковой выразительности для передачи сложного художественного содержания прием разнопадежного соположения форм одного слова встречаем у Варлама Шаламова:

*Шагай, веселый нищий,
Природный пешеход,
С кладбища на кладбище
Вперед. Всегда вперед!*

(В. Шаламов «Шагай, веселый нищий»).

«Слишком горький», «слишком беспощадный» [6: 733] шаламовский стих корреспондирует с классическим пушкинским. Самые трагические строки «Анчара», на наш взгляд, не те, что связаны со смертью (*умер бедный раб у ног / Непобедимого владыки*), а описывающие бесчеловечное поведение человека (*человека человек / Послал к анчару...*). В поэтическом пространстве происходит то, что не может, не должно происходить.

У Пушкина, «дневного, солнечного» поэта подобных строк немного. Но грамматическая модель создается именно здесь, модель, которую поэты XIX – XXI веков используют и разовьют.

У Шаламова именно эта грамматическая матрица передает главную художественную мысль, с горечью выражаемую в десятках стихотворений: «“моральный прогресс” есть фикция, опасная иллюзия» [6: 730]. Ключевое слово стихотворения *кладбище* не только представлено в виде парного

соположения разнопадежных грамем, характерного для стихотворений Пушкина, но и имеет «пушкинское», устаревшее к середине XX века ударение.

«Лагерь Шаламова — королевство абсурда, где все наоборот. Черное — это белое. Жизнь — это смерть. Болезнь — это благо, ведь заболевшего отправят в госпиталь, там хорошо кормят, там можно хоть на несколько дней отсрочить свою гибель» [там же: 735]. В стихотворении «Шагай, веселый нищий...» нет ни слова о лагере. Но общая идея его — типично шаламовская. Путь вперед — это путь *с кладбища на кладбище*, а человеческая доверчивость и беспечность делает этот путь порою даже неестественно веселым. Вспомним, как развивается тема смерти в «Пире во время чумы». Пушкинская традиция описания края бездны и поведения человека на краю гибели развивается Шаламовым не в ключе лирического нарратива, а с использованием системных лингвостилистических средств, таких как оксюморон и грамматический отбор.

Грамматические средства национального языка, актуализированные в лирическом тексте, выступают не только в качестве средств языковой выразительности, но и в качестве средств образности, создавая и передавая глубинные поэтические смыслы. Их потенциальная неоднозначность порождает многозначность поэтического текста, а взаимодействие в текстовом пространстве имеет парадигматическую компоненту, способную накапливать и передавать грамматическую информацию, связывая ее с конкретным поэтическим содержанием.

Поэтико-грамматический материал свидетельствует о том, что наряду с индивидуально-личными, авторскими основаниями морфологической селекции существуют морфологические закономерности, сформировавшиеся в рамках поэтического языка эпохи, ставшие поэтической традицией. Воспроизведение инвариантной морфологической модели в поэтическом контексте непосредственно связано с воспроизведением инвариантного художественного содержания не только на уровне отдельной граммемы, но и на уровне морфологической категоризации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / Владимир Григорьевич Адмони / [отв. редактор В. М. Павлов]. — Л. : Наука, 1988. — 240 с. 2. Баевский В. С. Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма / Вадим Соломонович Баевский. — М. : Языки славянской культуры, 2011. — 736 с. 3. Гинзбург Л. Я. О лирике / Лидия Яковлевна Гинзбург. — М.-Л. : Советский писатель, 1964. — 382 с. 4. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи / Борис Александрович Ларин. — Л. : Худож. лит., 1974. — 288 с. 5. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / Под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 568 с. — (Классики отечественной филологии). 6. Рубанов А. Варлам Шаламов как зеркало русского капитализма (*В. Т. Шаламов*) / Андрей Рубанов // Литературная матрица. Учебник, написанный писателями. XX век: Сборник. 2-е изд. — СПб. : Лимбус Пресс, 2011. — С. 723–740. 7. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтика именных категорий в текстах и идиостилиях: Монография / Елена Скоробогатова. — Харьков: Харьковское

историко-филологическое общество, 2014. — 236 с. 8. **Скоробогатова Е. А.** Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): Монография / Елена Скоробогатова. — Харьков : НТМТ, 2012. — 480 с. 9. **Степанов Ю.** Семиотика как дискурс, как творческая деятельность в культуре, как «цивилизация духа» / Ю. С. Степанов // Художественный текст как динамическая система: Материалы международной конференции, посв. 80-летию В. П. Григорьева / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. — М. : Управление технологиями, 2006. — С. 19–31.

Скоробогатова Олена Олександрівна — доктор філологічних наук, доцент, професор кафедри слов'янських мов, Харківський національний педагогічний університет імені Г. С. Сковороди. Україна, 61168, м. Харків, вул. Блюхера, 2.

E-mail: skorobogatova.elena@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0003-0214-1889>

Skorobogatova Olena Oleksandrivna — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Slavic Languages Department, H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University. Ukraine, 61168, Blukhera Str, 2.